

Научная статья
УДК 090.1(47+57)(092)
<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-2-8>

Информационная составляющая коллекционирования: на примере из коллекционерской практики Н. П. Румянцева

The Information Component of Collecting: the Case Study from the Collecting Practice of N. P. Rumyantsev

© Трифилова Елена Сергеевна

главный архивист отдела рукописей,
Российская государственная библиотека (РГБ)
ул. Воздвиженка, 3/5, стр.1, Москва, 119019, Россия
ORCID: 0009-0004-3498-3217
e-mail: estrifilova@gmail.com

Trifilova Elena Sergeevna

Chief Archivist of the Manuscripts Department,
Russian State Library (RSL),
3/5, Bldg. 1, Vozdvizhenka St., Moscow, 119019, Russia
ORCID: 0009-0004-3498-3217
e-mail: estrifilova@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – показать на частном примере роль информационного обмена между коллекционерами в формировании частных и государственных коллекций памятников книжной и актовой письменности.

Коллекционирование – многоступенчатый процесс. Поступлению памятника письменности в собрание предшествует подготовительный этап, включающий в себя поиск памятника и переговоры с владельцем об условиях продажи или передачи. Успех во многом зависит от информированности коллекционера о наличии и местонахождении предмета, поэтому особое значение имеет корреспондентская сеть, через которую передается информация и иногда ведутся переговоры. В результате был сделан вывод, что государственные и частные коллекционеры могли пользоваться одними и теми же источниками пополнения собраний, корреспондентскими сетями и каналами передачи сведений о памятниках письменности. Вопрос о распределении памятника в то или иное собрание решался на завершающем этапе, где главными факторами выступали личная заинтересованность, финансовые и административные возможности коллекционера, а иногда и стечение обстоятельств.

Все эти этапы и механизмы хорошо прослеживаются на примере попытки приобретения Н. П. Румянцевым пергаменной грамоты XIV в. В процессе исследования было установлено местонахождение подлинного документа, который в составе частной коллекции вошел в крупное государственное собрание.

Ключевые слова: Н. П. Румянцев, епископ Архангельский и Холмогорский Неофит, П. П. Свинин, Архангельская губерния, Библиотека Академии наук, коллекционирование памятников письменности

Abstract. The purpose of the article is to demonstrate, using a specific example, the role of information exchange between collectors in the process of forming private and public collections of monuments of book and documentary writing.

Collecting is a multi-stage process. The acquisition of a written monument is preceded by a preparatory stage, which includes the search for the monument, negotiations with the owner on the terms of sale or transfer. The success mainly depends on collector's awareness of the availability and location of the monument, therefore the correspondent network, through which relevant information is shared and, sometimes, negotiations with the owner take place, plays a particularly important role in this process. As a result, the conclusion has been made, that public and private collectors may use the same sources of acquisitions, correspondent networks, and channels for collecting and disseminating information about literary monuments. The final stage in the assignment of a monument to a particular collection is the decisive one, determined by the collector's personal interest, financial and administrative resources, and sometimes a combination of circumstances.

All these stages and mechanisms are clearly illustrated by N. P. Rumyantsev's attempt to acquire a 14th-century parchment document. During the research, the location of the original document has been established, included as a part of a private collection in the major state collection.

Keywords: N. P. Rumyantsev, Bishop Neophyte of Arkhangelsk and Kholmogory, P. P. Svinin, Arkhangelsk Province, Library of the Academy of Sciences, collecting of written monuments

Для цитирования: Трифилова Е. С. Информационная составляющая коллекционирования: на примере из коллекционерской практики Н. П. Румянцева // Труды ГПНТБ СО РАН. 2026. № 2. С. 69–74. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-2-8>

Введение

Изучение процесса коллекционирования не сводится лишь к анализу состава собрания и личности владельца. Не менее важным представляется исследование способов формирования коллекций. В отечественной историографии сложилась устойчивая тенденция к противопоставлению частного и государственного коллекционирования памятников книжной и актовой письменности, несмотря на то что в основе многих государственных собраний лежат частные коллекции. Мнения разделились еще в XIX в., когда одни обвиняли частных собирателей в хищениях, а другие благодарили их за сохранение ценных материалов. Например, анонимный автор назвал главной причиной исчезновения ряда актов из собрания Николо-Корельского монастыря деятельность П. М. Строева и П. П. Свинына¹. Д. Я. Самоквасов негодовал по поводу публикации «известным в Москве собирателем древностей [П. И. Щукиным. – Е. Т.]... богатой коллекции исторических документов 1812 года, похищенных из архива Московского губернского правления...» [1, с. 122]. В то же время И. Х. Колодеев высоко оценивал коллекцию Щукина и проделанную им работу по сохранению для истории ценных документов².

В XX в. ситуация мало изменилась. Одни исследователи считали, что «коллекционеры-варвары выступали в своей массе как опасный и злобный конкурент общественным начинаниям» [2, с. 14], в то время как другие были уверены, что собиратели-коллекционеры «сохранили от гибели» ценные исторические источники³. При этом предпринимались попытки выявить и проанализировать методы государственного и частного коллекционирования. В результате в качестве основных способов пополнения государственных коллекций исследователи называли пожертвования, дарения и покупку [2, с. 16], частных коллекций – покупку и хищения [2, с. 22]. В зависимости от методов комплектования Е. И. Никифоров предложил разделить частные коллекции на два типа. К первому было отнесено собрание М. П. Погодина, кото-

Citation: Trifilova E. S. The Information Component of Collecting: the Case Study from the Collecting Practice of N. P. Rumyantsev // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2026. No. 2. P. 69–74. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-2-8>

рый предпочитал покупать коллекции целиком или крупными частями, ко второму – собрание Н. П. Румянцева, которое формировалось путем приобретения небольших комплексов или отдельных экземпляров⁴. В. Н. Самошенко, в свою очередь, считал, что независимо от типа частной коллекции основными способами ее формирования были хищение и покупка [3, с. 197].

Однако это направление практически не получило дальнейшего развития. Вне поля зрения исследователей остались исторические и юридические условия формирования коллекций, конкретные источники комплектования, другие возможные участники процесса коллекционирования, способы их взаимодействия и многие другие факторы. Вероятно, это связано с недостатком информации и примеров, которые позволили бы выявить определенные закономерности и сделать соответствующие выводы. Поэтому для дальнейших исследований в этом ключе необходимо выявить как можно больше конкретных эпизодов, наглядно демонстрирующих весь процесс поиска, приобретения и перехода памятника письменности к коллекционеру. Один из ярких примеров взаимодействия коллекционеров и работы корреспондентских сетей – попытка приобретения Н. П. Румянцевым у частного лица пергаменной грамоты XIV в.

Роль Румянцевского кружка в коллекционерской деятельности Н. П. Румянцева

Собрание рукописей графа Николая Петровича Румянцева – одна из крупнейших частных коллекций рубежа XVIII–XIX вв. Она находится в РГБ и насчитывает 1283 единицы хранения. Помимо рукописных книг, в состав собрания входит актовый материал в подлинниках, списках и факсимиле. Источники и механизмы формирования этой коллекции еще подлежат изучению, но уже сейчас можно говорить об исключительной роли Румянцевского кружка в ее комплектовании.

Румянцевский кружок – название, данное современными исследователями объединению ученых, созданному Н. П. Румянцевым для выявления, собирания и копирования, при невозможности официального приобретения, книг и актового материала, содержащего сведения по русской истории. Наряду с такими известными исследователями, как Павел Михайлович Строев,

¹ Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1852. № 11. Ч. неофиц. С. 81–85.

² Муравьева Н. А. Археографический фонд по истории Отечественной войны 1812 года: подготовка сборников документов в 1876–1916 годах // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2015. № 2. С. 87–88.

³ Никифоров Е. И. Частное собирательство документальных материалов в России в первой половине XIX века // Советские архивы. 1972. № 3. С. 40–49.

⁴ Там же. С. 41.

Константин Федорович Калайдович, Александр Христофорович Востоков, митрополит Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов), профессор Филипп Иванович Круг (Johann Philipp Krug), в общество входили и более скромные участники, о деятельности которых сведений не так много.

В 2024 г. автором статьи была установлена личность корреспондента Н. П. Румянцева, изготовившего для него факсимиле и списки с грамот Рижского и Кенигсбергского архивов. Этим человеком был историк Иоганн Кристоф Бротце [4, с. 218–226]. Еще одним малоизвестным корреспондентом Н. П. Румянцева был архиепископ Архангельский и Холмогорский Неофит (Никифор Докучаев-Платонов). Сведений о нем сохранилось немного, в основном формулярного характера. Он был уроженцем с. Дубровка Московской губернии, окончил Московскую духовную академию, 15 августа 1821 г. был хиротонисан в архиепископы Архангельские и Холмогорские [5]. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Неофита с государственным канцлером, но между ними завязалась переписка, небольшая часть которой хранится в архиве Н. П. Румянцева в отделе рукописей РГБ⁵.

Епископ Неофит – исследователь и комиссионер

Неофит был не только пастырем, но и весьма деятельным исследователем. Он установил связи с местными коллекционерами, организовал по просьбе Н. П. Румянцева осмотр архивов Холмогор, Сийского и Николо-Корельского монастырей, а в 1824 г. прислал графу подлинные грамоты из архива Архангельского архиерейского дома [6, с. 68], всего 61 документ. Подлинники были возвращены владельцу после снятия с них копий. В собрании Н. П. Румянцева они хранятся под № 50 и 51 и в описи значатся как «Грамоты, записи, отписи и разного рода бумаги с 1524 по 1721 год, списанные с подлинников, доставленных из Архангелогородского Архива Государственному Канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву на 125 листах»⁶ и «Тож, с 1652 по 1688 год, на 15 листах, под заглавием Архангелогородские грамоты»⁷. Неофит проявлял интерес к истории региона и памятникам древности, хранящимся на его территории. Благодаря этому он стал весьма ценным участником Румянцевского кружка.

При изучении механизмов и источников формирования частных коллекций становится все более очевидным, что залогом успеха такой деятельности являются не только финансовые возможности и интерес к коллекционированию, но и владение информацией о местонахождении памятников, а также свобода доступа к ним. В этом смысле представители духовенства, причем и высшего и низшего звена, оказались в наиболее выгодном положении.

Через архиерейские дома, а с началом Синодального периода – через духовные консистории, проходил весь поток документации, в том числе синодские и сенатские указы о выявлении и сборе рукописей, грамот, старопечатных книг и иных древностей, о борьбе со старообрядцами, неотъемлемой частью которой были имущественные конфискации. Указы переписывали, копировали и рассылали по местам, а оттуда шла ответная корреспонденция о получении распоряжений и об их выполнении, а также изъятые книги, рукописи и др. Таким образом, в курсе событий и направлений поиска оказывались не только епархиальные архиереи, но и приходские священники.

Пример действия этой системы – ведомственная переписка «Архангельской духовной Преосвященнейшего Неофита [Докучаева-Платонова – Е. Т.], Епископа Архангельского и Холмогорского консистории» – сохранился в Государственном архиве Архангельской области (ГАОО). В течение 1824 г. из консистории в приходы епархии систематически рассылались списки с императорских указов «с прописанием Его Преосвященства определения, о донесении относительно всех редких происшествий и явлений, о старинных монетах и медалях, о словах и выражениях в общенародном наречии употребляемых и о успехе увещания раскольников»⁸. Вряд ли указы из Синода и Сената сопровождались предписанием сообщать о наличии предметов древности и фиксировать местный фольклор, поэтому это дополнение к копиям указов, скорее всего, является инициативой самого Неофита.

В ответ на распоряжение духовного начальства Шенкурское и Холмогорское духовные правления, благочинные Заостровского и Вознесенского приходов, благочинные и священники Кемского уезда и ключарь Троицкого (кафедрального) собора в г. Архангельске Федор Черноуцкий рапортовали о получении указов и сообщали, что в Конецгорском, Устьважском и Березницком приходах есть медали 1790 г. за «службу и храбрость», проявленные в ходе Шведской кампании. Отставные военные прикрепили награды к образам в местных церквях⁹. Из Тарнянского прихода сообщали о двух серебряных медалях 1770 и 1774 гг., которые, судя по дальнейшей переписке,

⁵ ОР РГБ. Ф. 255. К. 8. № 46 ; К. 6. № 14.

⁶ Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1842. С. 71.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ ГАОО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 325. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 11.

были отправлены в Архангельскую духовную консисторию в марте 1825 г., где их след теряется¹⁰. Из остальных приходов последовали ответы об отсутствии старинных вещей и редких явлений.

При епископе Неофите в приходских храмах Архангельской епархии заполнялись так называемые памятные книги, в которые следовало записывать все важные события и сведения об имеющихся редких и ценных предметах. Воспользоваться этими книгами во время археографической экспедиции советовали П. М. Строеву некоторые его корреспонденты, в частности И. Х. Гамель, который писал: «Во всех приходах и церквях, по предписанию покойного епископа Неофита, должны существовать так называемые Памятные книги. В монастырях и городах тоже...»¹¹. Следует заметить, что упомянутые книги были заведены еще при архиепископе Вениамине (Румовском-Краснопевкове) в 1781 г., который предписал «...во всех монастырях и церквях завести памятные книги и внести в оные все, достойное памяти и наблюдения, дабы книги сии впоследствии времени могли служить местными летописями. Следствием сего было открыто много исторических хартий и вещей, остававшихся дотоле в безвестности»¹².

Кроме того, епархиальные архиереи, имея свободный доступ к монастырским и церковным книгохранилищам и архивам, по всей видимости, пользовались ими не только в исследовательской работе, но и при составлении собственных коллекций. Кроме того, они предоставляли информацию о местонахождении памятников письменности и сами памятники другим коллекционерам. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) (1767–1837), занимавший Вологодскую кафедру в период с 1808 по 1813 г., состоял в активной переписке с Н. И. Новиковым, Г. Р. Державиным, Н. П. Румянцевым, Н. П. Бантыш-Каменским, М. П. Погодиным и многими другими выдающимися личностями, которых снабжал рукописями из подведомственных хранилищ. Впоследствии многие из этих книг «попали в центральные библиотеки России (БАН, Императорскую публичную библиотеку в СПб.)... Часть рукописей, собранных Евгением в бытность его на вологодской кафедре, оказалась впоследствии в Киеве» [7, с. 43] в составе его личной библиотеки, перевезенной вслед за архиереем к новому месту служения.

Показательный частный случай

О грамотах Архангельского архиерейского дома, пересланных Неофитом Н. П. Румянцеву, уже

говорилось выше. Через архангельского епископа граф планировал приобрести еще один документ, о котором преосвященный сообщил ему в переписке. Список с этого письма хранится в отделе рукописей РГБ в архиве Н. П. Румянцева¹³, местонахождение подлинника неизвестно. Письмо датировано 19 марта 1825 г., содержит благодарность Неофита за присланный ему экземпляр «Архива Белорусских грамот» (1824 г.) и следующее сообщение: «Я еще нашел грамоту Польского Короля Владислава 1387 го года, в коей заключается договор с братом его Скирикгайлом о землях. Грамота писана на пергамене по Руски за королевскою печатью»¹⁴.

Владельцем документа был Шенкурский форстмейстер, то есть лесничий, Николай Федорович Герасимов, которому, кроме грамоты, принадлежала коллекция монет и медалей. Скорее всего, сведения о коллекции Герасимова Неофит получил из очередной переписки с приходскими священниками и сообщил информацию Н. П. Румянцеву. Возможно, это была обычная практика.

Из всего перечисленного Неофитом в письме Н. П. Румянцева заинтересовала только грамота, и в ответном послании от 14 апреля 1825 г. он спрашивал: «...не продаст ли мне Г. форстмейстер Герасимов находящуюся у него оригинальную на пергамене договорную грамоту короля Владислава с братом его Скирикгайлом и какую он за нее цену просит»¹⁵. На этом переписка обрывается.

Впрочем, сделка так и не состоялась. Однако в собрании отдела рукописей РГБ хранится литографированная копия некой «Жалованной грамоты Владислава, короля Польского и Литовского, брату кн. Скирикгайлу, в подтверждение его владения Троками и... гор. Полоцком», 1387 г.¹⁶, приобретенная в 1954 г. у частного лица. Литография оказалась вклейкой из январской книжки «Отечественные записки, издаваемые П. П. Свиньиным» за 1829 г. В номере опубликован текст «Грамоты Владислава Ягеллона, данной им своему брату Скиргайлу Олгердовичу...», в послесловии к которому автор выражает благодарность владельцу, «благоволившему уступить... сию драгоценность, к отысканию и приобретению которой тщательно употреблял все усилия покойный Канцлер, Граф Н. П. Румянцев...»¹⁷. В конце номера помещена вклейка литографированной двухсторонней копии документа, которая абсолютно идентична литографированному листу из фонда «Собрание отдела рукописей» РГБ.

¹³ ОР РГБ. Ф. 255. К. 8. № 46.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. К. 6. № 14. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 218. № 462.2.

¹⁷ Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. Санкт-Петербург : в тип. К. Крайя, 1829. Ч. 37, № 105. Янв. С. 1–12.

¹⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 325. Л. 1–1 об.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 291. № 2240. Л. 151–153 об.

¹² Колчин З. Записка о состоянии архивной старины в Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1889. № 1. Ч. неофиц. С. 9.

Итак, грамота была выкуплена П. П. Свиным¹⁸, вероятно, во время его путешествия по Архангельской губернии в 1828 г. или при посредничестве третьих лиц. Интересно, что Свиный одновременно с Румянцевым знал о существовании документа и его местонахождении. Источниками информации гипотетически могли стать как Неофит, так и сам Румянцев. В этом случае отметим деликатность П. П. Свиного, не пытавшегося перехватить заинтересовавший его документ. Однако сведения могли поступить и от третьего лица, также знавшего о существовании грамоты.

Этим человеком был Валериан Яковлевич Никонов, сын архангельского городского головы, путешественник, собиратель фольклора, корреспондент П. П. Свиного. Именно Никонов сообщил о грамоте в Санкт-Петербургскую академию наук еще в 1823 г. По всей видимости, сообщение не заинтересовало академию, после чего информация о находке была передана П. П. Свиному, который и приобрел грамоту для своей коллекции после смерти Н. П. Румянцева.

Собрание П. П. Свиного под названием «Русский музей» в 1834 г. было продано владельцем с аукциона [8, с. 151–152]. Рукописи поступили в Российскую академию, действительным членом которой П. П. Свиный состоял с 1833 г. [9, стб. 703]. 19 октября 1841 г. Российская академия была соединена с Академией наук в качестве ее второго отделения, известного под названием «Отделение русского языка и словесности» [10, с. 107].

Подлинник грамоты был обнаружен нами в собрании отдела рукописей Библиотеки Академии наук¹⁹. Документ также внесен в каталог пергаменных рукописей библиотеки Академии наук с процитированным сообщением Никонова (в каталоге он ошибочно назван Новиковым): «У г. Герасимова видел я древнейшую грамоту Владислава – на владение Полотском – данную им своему брату» [11, с. 176].

Происхождение и первоначальное место хранения грамоты было установлено с помощью опубликованных в 2002 г. на сайте *Fontes historiae Magni Ducatus Lithuaniae* текстов и снимков с 377 грамот Великого княжества Литовского (X–XV вв.)²⁰ из Коронного архива г. Кракова, учтенных в описи М. Кроммера 1551 г. В их числе представлен текст грамоты короля Владислава (Ягайло) к брату Скиргайлу от 28 апреля 1387 г. В комментариях

к публикации сказано: «В конце XVIII в., как и большинство древних архивов Речи Посполитой, грамота оказалась на территории России, но не в государственном хранилище, а в частных руках»²¹.

Заключение

Описанный случай позволяет предположить, что успех коллекционерской деятельности – как частной, так и государственной – в начале XIX в. во многом зависел от наличия информации о памятниках письменности и свободы доступа к ним. Для получения и передачи сведений использовались государственные и частные корреспондентские сети. Пример первой – система епархиального управления, второй – Румянцевский кружок.

Предположительно, участниками научного объединения, возглавляемого Н. П. Румянцевым, могли стать только люди, обладавшие административными или научными ресурсами. С их помощью осуществлялся поиск памятников, а также передача информации и самих предметов. Таким образом, можно говорить о наличии плотного информационного пространства в коллекционерской среде и активном взаимодействии различных участников этого процесса. Это связано с тем, что коллекционирование предполагает значительные финансовые затраты, а подтвержденная информация о памятнике и его местонахождении отчасти является гарантией успеха.

При этом выявляется тесная взаимосвязь между частным и государственным коллекционированием, общность источников и методов комплектования. Частное коллекционирование, однако, показало большую заинтересованность, активность, мобильность и финансовую состоятельность по сравнению с государственным коллекционером в лице Академии наук. При проявлении готовности приобрести документ по сообщению В. Я. Никонова Академия наук могла стать его владельцем еще в 1823 г. Не исключено, что у Герасимова мог быть приобретен целый комплекс источников, обладающий большей ценностью и информативностью, нежели отдельный экземпляр. Следовательно, объективные или субъективные причины отказа государственного коллекционера от приобретения памятника способствовали его переходу в частную собственность.

Таким образом, рассмотренный случай демонстрирует не антагонистические тенденции, а причинно-следственные связи между действиями частных и государственного коллекционеров. Кроме того, наблюдается использование одних и тех же частных каналов передачи сведений о памятнике и его местонахождении. Это свидетельствует о том, что государственное и частное коллекционирование находились в едином информационном

¹⁸ Л-нко А. Свиный // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Санкт-Петербург, 1900. Т. 57. С. 151–152.

¹⁹ БАН. Ф. 57. № 4.6.44. Грамота подтвердительная короля польского, литовского и русского Владислава (Ягайло) его брату князю Скиргайлу (Скирикгайлу) Ольгердовичу на Троцкое (Троцкое) княжение и на город Полоцк. 1387.

²⁰ *Fontes historiae Magni Ducatus Lithuaniae*: website. URL: <http://starbel.by> (accessed 10.12.2022).

²¹ Там же.

пространстве. В связи с этим можно утверждать, что информационная составляющая играла ключевую роль в процессе формирования как частных, так и государственных коллекций памятников книжной и актовой письменности.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Список литературы

1. Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. Кн. 2. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. Москва : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 181 с.
2. Кононов Ю. Ф. Комплектование рукописных отделов библиотек и музеев в дореволюционной России : учеб. пособие. Москва, 1961. 62 с.
3. Самошенко В. Н. История архивного дела в дореволюционной России : учеб. пособие. Москва : Высш. шк., 1989. 215 с.
4. Трифилова Е. С. Списки с грамот Рижского и Кёнигсбергского архивов в собрании Н. П. Румянцеве в отделе рукописей Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения – 2024 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (23–25 апр. 2024 г.). Москва, 2024. Ч. 3. С. 218–226.
5. Д. Б. К. Неофит // Православная энциклопедия. Москва, 2017. Т. 48. С. 702–704.
6. Козлов В. П. Колумбы российских древностей. Москва : Наука, 1985. 171 с.
7. Рощевская Л. П., Бровина А. А. Библиотечное дело на европейском Севере России в конце XVIII – начале XX века. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 2002. 327 с.
8. Чертков Л. Н. Свинин // Краткая литературная энциклопедия. Москва, 1971. Т. 6. Стб. 703.
9. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX–XX века / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 398 с.
10. Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / сост.: Н. Ю. Бубнов [и др.]. Ленинград : Наука, 1976. 233 с.
11. Пергаменные рукописи Библиотеки академии наук СССР Описание рус. и славян. рукописей XI–XVI веков / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 235 с.

References

1. Samokvasov DYa (1902) Archival affairs in Russia. Bk. 2. Past, present, and future development of archival business in Russia. Moscow: T-vo tip. A. I. Mamontova. (In Russ.).
2. Kononov YuF (1961) Acquisition of manuscript collections for libraries and museums in pre-revolutionary Russia: a textbook. Moscow. (In Russ.).
3. Samoshenko VN (1989) The history of archival affairs in pre-revolutionary Russia: a textbook. Moscow: Vyssh. shk. (In Russ.).
4. Trifilova ES (2024) Copies of charters from the Riga and Königsberg archives in the N. P. Rumyantsev's collection in the Manuscript Department of the Russian State Library. *Rumyantsevskie chteniya – 2024: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (23–25 apr. 2024 g.)*. Moscow, pt. 3, pp. 218–226. (In Russ.).
5. D. B. K. (2017) Neophyte. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 48, pp. 702–704. (In Russ.).
6. Kozlov VP (1985) Columbuses of Russian antiquities. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Roshchevskaya LP and Brovina AA (2002) Librarianship in the European North of Russia in the late 18th – early 19th centuries. Syktyvkar: Komi nauch. tsentr UrO RAN. (In Russ.).
8. Chertkov LN (1971) Svinin. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 6, col. 703. (In Russ.).
9. Adrianova-Peretts VP (ed.) (1958) Historical essay and review of the collections of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences. Iss. 2. 19th – 20th centuries. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.).
10. Bubnov NYu [et al.] (comps) (1976) Parchment manuscripts of the Library of the USSR Academy of Sciences: description of Russian and Slavic manuscripts of the 11th–16th centuries. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
11. Pergamennyye rukopisi biblioteki akademii nauk SSSR: opisanie russkix i slavyanskix rukopisej XI–XVI v. Leningr.: «Nauka», 1976. 233 s.

Статья поступила в редакцию / Received 07.12.2025
Получена после доработки / Revised 28.05.2026
Принята для публикации / Accepted 20.08.2026